

Уважаемый Владимир Владимирович!

Уважаемый Вячеслав Михайлович!

Уважаемые коллеги! Дамы и господа!

Прежде чем обозначить проблемы, которые я хотел затронуть с этой трибуны, я хотел бы сказать, что мы собрались в удивительный год, богатый на даты. Я не говорю уже о том, что официальное 100-летие Верховного Суда – это знаменательнейшая дата, но я хотел бы напомнить также, что 160 лет назад в это время император Александр II утвердил Основные положения преобразования судебной части в России, с которых, собственно говоря, и берёт отсчёт судейский корпус. 26 июня 1992 года был закреплён в законе термин «органы судейского сообщества». И наконец, нынешний съезд, который состоялся через шесть лет [после предыдущего].

Что бы мне хотелось в этой связи отметить. Прежде всего, за эти годы продолжалась работа над налаживанием судебной системы, различных её звеньев. И здесь очень осязаемый, мне кажется, наметился, будем говорить, прогресс, имея в виду и взаимодействие апелляционной и кассационной инстанций, полную кассационную инстанцию, действия Верховного Суда.

Я в этой связи с этой трибуны – не просто потому, что юбилей, а и по существу – хотел сказать, что деятельность Верховного Суда придаёт особый импульс работе всей судебной системы. И хотел бы сказать, что мы, судьи Конституционного Суда, даём высокую оценку тому, насколько эффективно и в то же время деликатно с точки зрения принципа независимости и самостоятельности судов исполняет Верховный Суд свою роль по обеспечению единства судебной системы. При этом следует подчеркнуть и высокую интенсивность в принятии постановлений пленума Верховного Суда по вопросам судебной практики, а также качества их работы.

Основой для работы всего судейского корпуса являются значительные изменения, происшедшие в Конституции. В этом смысле все мы работаем под знаком обновлённой Конституции и принятого на основе её нового законодательства. В этой связи, мне кажется, происходят достаточно плотное взаимодействие и консолидация самой судебной системы. И здесь я хотел бы отметить два момента: первый, так сказать, по внешнему вектору, а второй, собственно говоря, по внутреннему.

Все мы знаем, что у нас произошли за годы после того съезда большие изменения: Российская Федерация отозвала свою подпись под документом о создании Международного уголовного суда и вышла из Европейского суда по правам человека. Было очень много шума на этот счёт – как же так, Россия не справится. Но караван, что называется, идёт, и надо думать, что, конечно, мы не будем забывать о положительной роли Европейского суда, которую он сыграл в становлении и развитии защиты прав и свобод в нашей стране. Но я думаю, что к этому не сводится только этот вывод, потому что

не секрет, что в особенности в последние годы заметно усилилась политизация этого органа, к сожалению.

Достаточно взять одну типичную работу, которая вышла из-под пера заместителя председателя Европейского конституционного суда, – сейчас она ушла уже в отставку, – которая посвящена авторитарной системе в России, где говорится примерно так: «От Конституционного Суда ждать уже больше нечего». Почему? Потому что он начал свой закат с тех пор, как не поддержал Президента Ельцина. В чём не поддержал – вопрос. И второе: «Всем нам прекрасно известно, – я почти цитирую, – что за пределами Москвы, точнее за пределами Садового кольца на 300 метров, уже исподволь начинается Сибирь». И это говорит специалист, который возглавляет крупнейший институт в Германии по изучению права восточной Европы, и он одновременно вершил политику в Европейском суде. Так что я думаю, что судебная система справится и без Европейского суда, это видно по всему, как она работает.

С этой точки зрения, мне кажется, что вызывает большое удовлетворение то, что смолкли разговоры о создании ещё одного специального внутреннего суда по правам человека в Российской Федерации. Понятно, что с точки зрения и теоретической, и практической сразу возникала бы проблема многослойности, пересечения и так далее. Собственно говоря, чем занимаются все суды? Разве не занимаются они защитой прав человека, начиная с самой нижней инстанции – мировых судов – и включая Верховный Суд и Конституционный Суд?

В этой связи мне хотелось бы ещё одну проблему отметить, – о ней уже говорил Владимир Владимирович, – о полной эффективной судебной защите. Это, собственно говоря, и есть основная цель, предназначение, функция суда. Надо в этой связи прежде всего отметить, что суд в этом случае, судебная система, правосудие опираются на принцип законности, конституционной законности, даже я бы сказал, если мы говорим о Конституции как Основном законе, который обустроивает и оформляет всю эту пирамиду.

Я почему специально решил затронуть, казалось бы, этот банальный вопрос? Да потому что совсем недавно мы разговаривали с Вячеславом Михайловичем и вроде бы обнаружили, что в 90-е годы, когда была программа реформирования судов, концепция судебной реформы, продвижение суда, в этой знаменитой программе я, откровенно говоря, не нашёл слово «законность». И это удивительно, потому что тогда, я скажу, были споры. Я живой свидетель – это было. Я спрашивал одного из разработчиков этого проекта: «Почему вы не сделали это?» «Сейчас для нас главное, – сказал этот разработчик, – нам надо утвердить права человека. Законность – это уже замусолено в советское время». Я говорю: «Но позвольте, Вы стажировались в Германии целый год, если не ошибаюсь, и Вы должны знать, что слово «законность» в немецком языке – это одно из ключевых понятий вообще в правоведении теоретическом и практическом Германии». Вот так обстояло дело.

И я рад, что сейчас это слово полновесно звучит. В конце концов, наверное, надо вспомнить Конфуция, что есть время забывания, затёртости имён и время их возобновления и переименования понятий – так примерно это [звучит], если перевести, разные переводы на этот счёт.

В этой связи полная эффективная судебная защита, конечно, связана с законодателем. Тут нет самого действия суда без закона. Мы, в конце концов, находимся не в прецедентной системе англо-саксонского типа, мы находимся в нашей континентальной системе, где законы. Что такое Конституция как не Основной закон? В конечном счёте, 120-я статья Конституции говорит о том, что суд руководствуется законом в своей деятельности, и в этой связи, конечно, от законодателя многое зависит, но многое зависит и от суда. Одно без другого не существует.

В этой связи мне хотелось бы отметить, что вся деятельность судебной системы акцентирована на социальную ориентированность. Здесь два момента можно было бы отметить.

Общие, так сказать, стратегические. Имея в виду, что профилактика правонарушений, предупреждений и разрешений социальных конфликтов образуется из всей суммы огромного числа правомерных актов, которые принимаются в судебной системе.

А в более тесном смысле – это, конечно же, реализация принципов социального государства и социальных прав, что особенно важно сейчас, когда в нынешнее тяжёлое время, трудное время, которое переживает Россия, конечно, сгладить и последствия ещё недостаточного уровня наиболее незащищённых слоев населения, сгладить последствия санкций в конечном итоге тоже.

Это очень важные задачи, свою посильную лепту в рамках своих полномочий вносит и суд. Руководствуется, конечно же, он принципом гуманизма, потому что Конституционный Суд – это всё в буквальном смысле и в строгом, действительно, гуманный суд, не в ироническом, как это было в одном из фильмов, когда подсудимый сказал: «Да здравствует наш самый славный и гуманный суд в мире». Сделал паузу и сказал: «Шутка». На самом деле действительно суд многое вносит для стабилизации нашей общей системы в России и для того, чтобы люди находили правду на основе принципов, что это суд всё же праведный, скорый, правый и справедливый и так далее.

В этой связи – в связи с принципом гуманизма – я не удержусь и скажу о такой проблеме, решение которой зависело не только от законодателя, но даже на определённом этапе в большей степени, я бы сказал даже, от судебной власти, в том числе Верховного Суда и Конституционного Суда. Я имею в виду вопрос о смертной казни.

В связи с этим, справедливостью и гуманизмом, о которых мы должны помнить всегда, имея в виду принципы деятельности суда и осуществления

правосудия, поднимается периодически вопрос: давайте введём смертную казнь. Я не берусь говорить вместо политиков, вместо социологов, философов, законодателей, потому что это их прерогатива. Но есть и прерогатива юридическая, в том числе у Конституционного Суда.

Этот мораторий держится на двух решениях Конституционного Суда – в 1999 году, и мы подтвердили это в 2009 году. Обычно вспоминают, и в том числе те, кто стремится восстановить сейчас, немедленно эту меру наказания, Европейский Суд. Раз мы вышли из Европейской конвенции – всё, об этом забудьте, мы свободны. Я хочу сказать, что надо всё же внимательно почитать постановление Конституционного Суда.

В 2009 году – в 2009 году, не сейчас – Конституционный Суд сказал, что в России сложилось за долгие годы моратория, – а она [смертная казнь] фактически, будем говорить, уже не применялась в 1956 году, Вячеслав Михайлович меня поправит, там, по-моему, два, что ли, приговора были приведены в августе, – и всё, на этом закончилось за эти годы. А теперь, после 2009 года, – мы уже в 2022 году, – тогда Конституционный Суд сказал: «В России сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого граждане Российской Федерации получили право не быть приговорёнными к смертной казни».

Скажите мне, пожалуйста, как в этих случаях быть с тем, чтобы ввести сейчас смертную казнь? Конечно, говорят так: «В 20-й статье Конституции сказано, что впредь до полной отмены». Но дело в том, что Конституционный Суд истолковал этот режим, который сложился на основе всего этого дела. И законодатель ведь ничего не говорил об этом и не говорит, слава богу, о том, что нужно вдруг повернуть колесо назад.

Но, мне кажется, ещё более важны и некоторые моменты по международному вектору. 16 декабря 2020 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию – мораторий на применение смертной казни – и призывает все страны ввести этот мораторий, те, которые, конечно, не ввели. В 2017 году смертная казнь не применялась в 170 странах, и среди них была, следовательно, Россия, в 2007 году – в 146, движение определённое произошло.

Начиная с 2007 года такие резолюции принимались, и Россия всё время их поддерживала. Конечно, наверное, надо, – ещё раз подчёркиваю, не хочу, не могу и не имею права вмешиваться в дела политического решения, законодательного решения, – но, наверное, всё же надо в этих условиях прийти к выводу: только лишь изменение Конституции, поскольку ей толкование официальное дано Конституционным Судом, в этих условиях может послужить основой для возобновления смертной казни.

Но напомним, что эта статья 20-я относится к главе второй – «Права и свободы человека и гражданина». Дело в том, что Конституция так построена, чтобы изменить эту статью и ввести, придать ей другой смысл, нужно практически принимать новую Конституцию. Поэтому, если готовы те

авторы, которые выступают за это, что называется, флаг им в руки, но я не мог этого не сказать. Хочу сказать, что это не моё субъективное мнение, я выступил в этой части по поручению судей, излагая консолидированную позицию Конституционного Суда по этому вопросу.

Владимир Владимирович затронул уже проблему IT, электроники, новой компьютеризации и так далее. Очевидно, что мы не можем уже жить вне этого: если мы это не освоим, то страна будет отброшена назад. Но в этом процессе есть два аспекта. Без этого нельзя, но возникает вопрос о мере. Наверное, в судебной системе не всё ещё решено – далеко ещё даже не всё решено – с внедрением так называемых аспектов электронного правосудия.

Но я хотел бы сказать, что есть всё же, наверное, пределы – когда доходит до того, что говорят: «Вместо человека будет электроника осуществлять суд». А как со справедливостью? Как вообще с гуманизмом и другими всеми вещами? Я думаю, мне так кажется, что никогда не заменит – в обозримом будущем – электроника судью. И в этом смысле нечего беспокоиться. Я вспоминаю в этой связи выдержку, один поэт недавно сказал: «Наука движется, и вскоре мы обойдёмся без себя». Но я думаю, это как раз предостережение против того, что есть как бы «кесарево кесарю, а Божие Богу».

Ещё раз подчеркну, что без электронного правосудия в широких масштабах, которое даёт возможность облегчить правосудие, ускорить, всё это необходимо, потому что иначе мы останемся примерно так: действуем по модели телефона iPhone, а живём в каком-то допотопном ящике азбуки Морзе конца XIX века. Так бы это было без электроники.

И следует ещё также сказать, что в этих условиях все эти проблемы, которые стягиваются в тугой клубок вокруг задач и функций, действий судебной власти, конечно же, выходят на проблему доверия к суду, к праву судов в широком смысле, к лояльности граждан вообще. И надо не забывать, что эта проблема сейчас, мне кажется, остро стоит в условиях конкуренции судебных систем, как и конкуренции правовых систем: какая страна – не только в международном, но и региональном плане, внутри себя – обеспечит более комфортные с точки зрения права защиту прав и свобод человека и гражданина, защиту своего суверенитета, защиту интересов государства, общества, каждого человека.

Надо сказать, что это идёт не без борьбы, мы видим постоянно и фейки, и ожесточения в идеологической борьбе. В этой связи, конечно, мы в первой части слушали доклады, в том числе о том, что, конечно, не без греха и в судебном сообществе. Но давайте всё же прислушаемся к тому, что в стране разрешается примерно 35 миллионов дел или больше уже, – Вячеслав Михайлович скажет мне, – и что, это всё делается по указке заказчиков, по указке Кремля, по указке губернатора и так далее? Я просто этому не верю, этого не может быть.

Конечно же, в этой связи нужно сказать, что наша задача – сделать судебную систему конкурентоспособной, потому что она отражение применения законов и права, а они, в свою очередь, тоже находятся в конкуренции правовых систем на международной арене. Вопрос заключается в том, как они обеспечивают потоки технологического развития и технологической конкуренции, финансов, инвестиций и, наконец, всю гуманитарную сферу социального обслуживания. Я думаю, что в этой связи у судей, всего судейского сообщества стоит ещё большая задача.

Мне хотелось бы здесь в завершение сказать о двух моментах.

Первое – всё это и все проблемы заключаются в том, что при всей привлекательности зарубежного не должно быть импортозамещения суда.

И второе – это то, что суд – всё же власть. Мы не просители – мы одна из ветвей власти. И если суд не находит надлежащей защиты своих решений и не исполняет свои решения, наверное, тогда не может быть и правосудия. То есть если общество, все мы не защитим суд в этом смысле, то суд не защитит нас, наше общество. Я думаю, что в спорах о праве именно суд ставит точку над «і», потому что суд есть власть.

Спасибо.